

Ресин Александр Александрович

**Очерк инородцев русского
побережья Тихого океана**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Александрович Р.**
Очерк инородцев русского побережья Тихого океана / Ресин Александр
Александрович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 80 с.

ISBN 978-5-519-80618-3

ISBN 978-5-519-80618-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

весьма симпатичнаго, интеллигентнаго молодого американца м-стра Линкольна, который раньше командовалъ арестованною клиперомъ „Разбойникъ“ американскою шхуною „Софія Джонсонъ“. Онъ только одну зиму провелъ во Владивостокѣ и, конечно, весьма своеобразно объяснялся на русскомъ языкѣ. Обязанности второго помощника капитана несъ неутомимый труженикъ, благодаря своему всегда добро-совестному отношенію къ дѣлу, вышедшій изъ простыхъ матросовъ коммерческаго судна.

Команда шхуны „Сибирь“, считая повара и боя (мальчика-слугу) состояла изъ 16 человекъ. Тутъ были русскіе: отставной солдатъ, матросъ, прикащикъ; были китайцы, кореецъ, японецъ, американецъ, и не смотря на такой разнохарактерный составъ и на то, что многіе лишь въ первый разъ были въ морѣ, работы на суднѣ шли всегда хорошо. Правду сказать—первый штормъ намъ пришлось выдержать уже на обратномъ пути, когда команда достаточно привыкла къ своему дѣлу, но все таки надо отдать полную справедливость командиру и его помощникамъ, ихъ знанію дѣла и умѣнію держать въ рукахъ команду.

Изъ Владивостока мы взяли курсъ на Сангарскій проливъ и въ ночь на 13 мая бросили якорь передъ входомъ на рейдъ города Хакодате.

Городъ Хакодате носитъ тотъ же общій характеръ, свойственный всѣмъ японскимъ городамъ: тѣ же шоссированныя улицы, тѣ же миниатюрныя домики легкой японской постройки, не смотря на то, что здѣсь зимою иногда выпадаетъ довольно много снѣгу, та же поразительная чистота въ домахъ и на улицахъ, но улицы послѣ пожара города теперь значительно уширены. Въ городѣ есть общественный садъ, музей, который пока, правда, имѣетъ видъ только лишь зарождающагося.

Обойдя почти весь городъ, я посѣтилъ католическую миссію. Два француза ксендза рассказывали о дѣятельности нашей православной миссіи въ Японіи; по ихъ словамъ, всѣхъ православныхъ считается около 8 тысячъ человекъ.

Маленькая православная церковь, бывшая прежде посольская, производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Священника-японца не было дома: онъ былъ въ объѣздѣ своего прихода; меня приняли два прислужника, изъ которыхъ одинъ довольно порядочно и говорить, и писать на русскомъ языкѣ.

Въ гостинницѣ, гдѣ я останавливался, хозяинъ-японецъ также говорить по русски. Мы отправились съ нимъ въ канцелярію губер-

натора, гдѣ я познакомился съ правителемъ ея г. Фтацки, долго состоявшимъ въ японскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

Въ Хакодате шхуна должна была пополнить запасы провизіи, воды и угля. Къ вечеру 14-го мая все это было принято на судно и на разсвѣтъ 15-го мы двинулись далѣе на востокъ по Сангарскому проливу, а затѣмъ на сѣверъ къ Петропавловску.

На девятый день плаванія показался наконецъ дымящійся островъ Матуа, принадлежащій къ Курильской грядѣ, а черезъ 2 недѣли по выходѣ изъ Хакодате, вечеромъ 27-го мая, на смѣну однообразной перспективы моря, стали вырисовываться какъ бы изъ за воздушной завѣсы очертанія высокихъ береговъ полуострова Камчатки.

Прошло еще только 3 недѣли со дня выхода изъ Владивостока, а несмѣняемость картины передъ глазами и монотонность жизни на суднѣ, разнообразящейся чтеніемъ, прогулками по палубѣ и качаніемъ помпы для моціона уже успѣли сказаться. Съ какимъ то особеннымъ любопытствомъ слѣдишь и разсматриваешь приближающійся материкъ. Но не отрадное впечатлѣніе произвелъ бы онъ при другой обстановкѣ: остроконечныя вершины, какъ бы насаженные одна на другую и почти сплошь покрытыя снѣгомъ, устилаютъ голые, гористые берега, лишеныя всякихъ признаковъ жизни. На морѣ, не смотря на близость порта, также никакого движенія и только встрѣчающіеся морскіе котики свидѣтельствуютъ о сравнительной близости Командорскихъ острововъ.

По словамъ спутника нашего, возвращавшагося домой крестьянина, такъ же монотонна вся жизнь въ Камчаткѣ. Но вотъ, мы вступаемъ въ Авачинскую губу, а за нею въ бухту того же имени, въ глубинѣ которой, на берегу гавани, отдѣленной низкой кошкой и расположенъ городъ Петропавловскъ.

Судну, приходящему съ моря, прежде всего открываются три пакгауза, выпесенные впередъ за кошку, отдѣляющую гавань Петропавловскую отъ бухты Авачинской. Пакгаузы эти принадлежатъ Русско-Американской Компаніи, въ рукахъ которой котиковый промыселъ на Командорскихъ островахъ. За пакгаузами выступаетъ куча маленькихъ лачужекъ, желтѣющихъ своими соломенными крышами; нѣсколько хорошенькихъ бѣленькихъ домиковъ съ красными крышами, двѣ церкви и часовня на братскихъ могилахъ какъ бы набросаны на этомъ общемъ фонѣ.

Высокія горы подковою съ трехъ сторонъ обхватываютъ городъ. Таковъ общій видъ его. Когда мы входили въ гавань, на рейдѣ

стояли пароходъ Русско-Американской Компаніи „Александръ“ и трехмачтовый американскій баркъ „Гепри Бёкъ“.

На встрѣчу намъ вышелъ вельботъ съ гребцами въ шапкахъ съ краснымъ околышемъ: то былъ мѣстный исправникъ съ командой камчатскихъ казаковъ, съ нимъ вмѣстѣ прибыли на судно агенты Американской компаніи г. Люгербиль и представитель мѣстнаго купечества г. Сапдалинь. Послѣ обычныхъ привѣтствій наши гости, конечно, прежде всего поинтересовались освѣдомиться о текущихъ событіяхъ, о которыхъ они имѣютъ возможность знать только изъ одной зимней почты, приходящей въ Камчатку сухимъ путемъ, одной лѣтней — на пароходѣ Филиппеуса и кромѣ того слѣдить за ходомъ жизни на родинѣ по новостямъ, привозимымъ изрѣдка заходящими сюда нашими военными судами или судами американскими.

Въ Петропавловскѣ мы предполагали провести нѣсколько дней. Исправникъ Сергій Афанасьевичъ Херсонскій весьма любезно предложилъ мнѣ у себя помѣщеніе; предложеніе это было, конечно, болѣе чѣмъ пріятно, и въ тотъ же день я переселился къ нему, встрѣтилъ самый радушный пріемъ и вошелъ въ жизнь города.

Общество, состоящее, впрочемъ, только изъ трехъ семействъ, доктора Оедорова и г. Садалина, но увеличившееся съ приходомъ трехъ судовъ, теперь стоявшихъ на рейдѣ, собиралось не рѣдко вмѣстѣ, и десять дней, проведенные въ Петропавловскѣ, прошли незамѣтно.

Въ то время какъ шхуна наша пагружалась дровами въ Тарьинской бухтѣ, мы осмотрѣли городъ и познакомились съ окрестностями его: посѣтили остатки, такъ называемыхъ, солеваренныхъ заводовъ и населенную казаками подгородную деревню Строглазку. Казаки эти, повидимому, живутъ довольно зажиточно. Маленькая, правда, избушка, въ которую мы зашли, раздѣлена перегородкою пополамъ, стѣны оклеены обоями, украшены картинками и фотографическими карточками. Хозяйка предложила намъ чай, молоко и бѣлый хлѣбъ. Конечно, это болѣе зажиточные, но во всякомъ случаѣ пригородные казаки не бѣдствуютъ такъ, какъ камчадалы и русскіе крестьяне, живущіе внутри страны. Казаки получаютъ казенный паекъ и занимаются промыслами, какъ и остальная часть населенія, а чтобы служба не отвлекала ихъ отъ хозяйственныхъ занятій, даже такой постъ, какъ часовой у порохового погреба, ставится на цѣлые сутки. Конечно, это не болѣе какъ сторожъ, однако, когда мы въ первый разъ проходили мимо этого погреба, часовой

былъ одѣтъ въ форму, которую казаки обыкновенно не носятъ и, отдавая честь, весьма отчетливо продѣлалъ ружейные приемы.

Камчатскіе казаки находятся въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и подчинены исправнику, командуетъ ими офицеръ, производимый изъ тѣхъ же казаковъ. Всего въ Камчаткѣ 50 человекъ казаковъ и они раздѣлены на три отряда: въ Петропавловскѣ, Тигилѣ и Усть-Камчатскѣ. Вооружены они 6 линейными, съ дула заряжающимися винтовками. Форма одежды имѣетъ казачій покрой съ вырѣзными красными клапанами на воротникѣ и шароварахъ изъ сѣраго сукна; черезъ плечо на широкой ремненной портупеѣ они носятъ кривую полусаблю. При видѣ въ первый разъ камчатскаго казака съ его нѣсколько камчадалскою физиономіею и черными короткими бакенбардами мы невольно перенеслись въ старыя времена. Впечатлѣніе это еще усилилось, когда, въ первый же день по прибытіи въ Петропавловскъ, намъ случилось познакомиться съ завѣдующимъ камчатскими казаками хорунжимъ Савинскимъ, симпатичнымъ 60-лѣтнимъ старикомъ, живою лѣтописью города Петропавловска.

Вечеромъ 5 іюня шхуна была готова отправиться далѣе, а утромъ 6 числа мы снялись съ якоря и вышли въ море. Въ Петропавловскѣ намъ обѣщали, что теперь все время намъ будутъ сопутствовать южныя вѣтры; быть можетъ это и было бы такъ, если бы мы держались нѣсколько дальше въ морѣ, но, идя вдоль самыхъ береговъ, мы все время шли или при полномъ штилѣ, или при такомъ вѣтрѣ, который не давалъ шхунѣ ходу болѣе 2—3 миль въ часъ и такимъ образомъ мы большую часть времени шли подъ парами нашей маленькой машины. Когда мы огибали Шипунскій мысъ, съ берега еще издалека доносился на судно, перебивавшійся шумомъ морскихъ волнъ, гулъ рева морскихъ животныхъ. То были сивучи. Они сотнями занимаютъ прибрежные камни, своимъ ревомъ встрѣчаютъ приближеніе каждаго судна и часто во время тумановъ служатъ прекраснымъ маякомъ для судовъ, плавающихъ въ этихъ водахъ. Спустивъ вельботъ, мы пошли по направленію къ одному изъ этихъ камней съ цѣлью посмотрѣть, нѣтъ ли здѣсь моржей. Сивучи еще издалека встрѣтили насъ страшнымъ ревомъ, а по мѣрѣ нашего приближенія къ нимъ, они одинъ за другимъ стали сбрасываться въ воду и всюю массою двинулись намъ на встрѣчу. Для меня и части команды, видѣвшей ихъ въ первый разъ, такое движеніе казалось намѣреніемъ атаковать насъ, но они только окружили нашъ вельботъ и, то пыряя подъ воду,

то снова выходя на ея поверхность, съ ревомъ сопутствовали намъ на пѣкоторомъ разстояніи, а затѣмъ 'возвратились на свои мѣста. Не найдя моржей, мы также вернулись на судно.

Двигаясь такимъ образомъ вдоль самыхъ береговъ, мы почти каждый день выходили на твердую землю съ цѣлью запастись дровами изъ стараго лѣса, мѣстами въ большомъ количествѣ выбрасываемаго рѣчками въ море и прибиваемаго волною на отмели.

Капитанъ, страстный охотникъ, тотчасъ же уходилъ поискать медвѣдя, котораго, впрочемъ, и искать много не приходилось: не было случая, чтобы мы, выйдя на берегъ, не встрѣтили четырехъ, пяти, а иногда и до 10 медвѣдей, но каждый разъ охота продолжалась не болѣе часа или 1½ часа, чтобы не терять времени и вѣтра и преслѣдованія раненаго звѣря уже никогда не было.

Общій очеркъ края. Прежде чѣмъ продолжать мой рассказъ считая необходимымъ сдѣлать очеркъ природы края и жизни въ немъ на основаніи главнымъ образомъ бесѣдъ моихъ съ жителями Петропавловска.

Камчатскій и Становой горные хребты, соединяющіеся у верховьевъ р. Анадырь и наполняющіе собою и своими отрогами полуострова Камчатскій и Чукотскій, опредѣляютъ собою какъ горный характеръ страны, такъ и всего побережья.

Еще во время слѣдованія вдоль береговъ южной Камчатки открываются сопки: Вилучинская, Коряцкая и дымящаяся Авачинская, затѣмъ, по мѣрѣ движенія къ сѣверу: Кроноцкая, Толбачинская, Уткинская, Шевелючь, а среди этихъ двухъ возвышается сопка Ключевская, въ 16.000 футъ высокою и видимая во все время движенія вдоль береговъ Камчатки почти до д. Карагинской.

Въ общемъ высокіе, обрывистые берега Камчатки отличаются полнымъ отсутствіемъ признаковъ жизни чловѣка до мыса Озернаго; на этомъ пространствѣ они сплошь усыяны остроконечными вершинами и лишь изрѣдка по берегу моря остаются небольшія низкія площадки, поросшія кустарникомъ и высокою травою.

Отъ мыса Озернаго мѣстность носить болѣе холмистый характеръ и высокія горы нѣсколько отходятъ отъ береговъ.

Отъ мыса Олюторскаго берега снова возвышаются и дѣлаются ниже только къ устью р. Анадырь; на этомъ пространствѣ они изрѣзаны бухтами, которыя обставлены почти отвѣсными гольми массивами, высокою до 2500 и 3000 футъ.

Берега Чукотскаго полуострова, хотя не такъ высоки, но (осо-

бенно южные) имѣютъ также гористый характеръ, а мысъ Восточный заканчивается дикою высокою скалою.

По всему берегу временами отдѣляются низкія наносныя кошки, часто образующія хорошія гавани и занятые обыкновенно или лѣтними балаганами сидячихъ (осѣдлыхъ) корякъ или постоянными селеніями сидячихъ чукчей.

Климатъ Камчатки вообще не отличается суровостью и средняя зимняя температура обыкновенно — 12° R., морозы въ — 20° R. — явленія рѣдки; на сѣверѣ же, какъ въ селеніи Марково (на верховьяхъ р. Анадырь) морозы, хотя также не часто, но доходятъ до — 40° . Лѣтомъ обыкновенная температура въ Камчаткѣ отъ $+10^{\circ}$ до $+14^{\circ}$, дни съ 18° R., если и бывають, то не болѣе недѣли за все лѣто. За то зима отличается своею продолжительностью. Въ Камчаткѣ уже въ половинѣ августа выпадаютъ холодныя росы, а въ концѣ сентября земля начинаетъ покрываться снѣгомъ, который сходитъ только въ началѣ іюня и во время движенія шхуны вдоль береговъ Камчатки горы еще почти сплошь были покрыты имъ; кое-гдѣ и въ болѣе низкихъ мѣстахъ снѣгъ остается до новаго. Въ бассейнѣ р. Анадырь и на Чукотскомъ полуостровѣ снѣгъ выпадаетъ въ первыхъ числахъ сентября и въ первой же половинѣ сентября становятся рѣки и начинаютъ замерзать бухты. Отъ льда рѣки очищаются только къ концу мая, а снѣгъ сходитъ во второй половинѣ іюня. Снѣгу выпадаетъ весьма много и о количествѣ его можно судить по Петропавловску. Зимой видъ города и прилежащихъ окрестностей совершенно измѣняется: ближайшія горы, съ которыхъ снѣгъ сдувается внизъ, дѣлаются какъ будто ниже; улица, протоптанная ѣздою и пѣшеходами, получаетъ вогнутую профиль, края которой идутъ вровень съ крышами домовъ, имѣющихъ все-таки около 2-хъ сажень высоты; отъ входныхъ дверей и оконъ домовъ снѣгъ постоянно отгребають и бывали случаи, когда женщинамъ домовладѣлицамъ, не имѣющимъ работниковъ, послѣ сильнаго снѣга, приходилось выходить изъ дома чрезъ дымовую трубу.

Отъ льдовъ побережье освобождается весьма поздно: въ началѣ мая льды встрѣчаются еще на параллели мыса Наваринъ, а отъ южнаго берега Чукотскаго полуострова они отходятъ въ концѣ мая или въ первой половинѣ іюня. Въ океанѣ же льды уносятся въ разные годы въ различное время, что зависитъ отъ направленія дующихъ вѣтровъ. Въ бухтахъ ледъ остается еще позднѣе: такъ Анадырская Губа очищается отъ льда только въ послѣднихъ числахъ

іюня или первых іюля; бухты: Провидѣнія, Ткаченъ, Св. Лаврентія освобождаются отъ льда только въ первой половинѣ іюля.

Также поздно отходитъ ледъ и отъ побережья Ледовитаго океана и въ лѣто плаванія шхуны онъ былъ здѣсь еще въ послѣднихъ числахъ іюля. Снова ледъ приносится изъ Ледовитаго океана къ берегамъ Чукотскаго полуострова въ концѣ августа или въ началѣ сентября, когда пачинають дуть сѣверные вѣтры и въ первой же половинѣ сентября начинаютъ замерзать бухты.

Изъ естественныхъ богатствъ, залегающихъ въ нѣдрахъ земли, можно указать на каменный уголь, графитъ, краску охру, руду по внѣшнему виду схожую съ колчеданомъ. Кромѣ того, по словамъ капитапа шхуны, записавшагося золотопромышленностью, судя по расположенію горныхъ породъ, можно предполагать присутствіе золота, а въ камняхъ иногда встрѣчаются прослойки желѣзной руды.

Каменный уголь встрѣченъ нами на берегу моря, 15 миль сѣвернѣе до Вивники и хотя изъ слоевъ его на обрывѣ берега только нижній, сравнительно небольшой можно считать почти вполне образовавшимся, но судя по количеству его, вымываемому здѣсь моремъ, можно съ увѣренностью предполагать значительныя залежи его далѣе вглубь. Часть угля вымытаго моремъ была взята для машины судна и 23 шлюпки (около 20 тоннъ), собранныя здѣсь, не произвели замѣтнаго его уменьшенія. Вымытый изъ моря уголь оказался не хуже Такасимакаго.

Карандашный графитъ весьма мягкій, хорошаго качества паходить недалеко отъ Восточнаго мыса и, по словамъ чукчей, его очень много.

Тутъ же на Восточномъ мысѣ замѣтны пласты краски охры, а по берегу Ледовитаго океана встрѣчается колчеданъ.

Кромѣ того въ бассейнѣ р. Анадырь и далѣе къ сѣверу теченіемъ рѣчекъ вымываются изъ земли и добываются чукчами клыки мамонта.

Камчатскій полуостровъ, особенно его средняя часть, изобилуетъ лѣсами. По восточному берегу лѣса подходятъ къ морю до мыса Камчатскаго, гдѣ они становятся уже замѣтно рѣже, а отсюда, постепенно отходя отъ берега моря, граница лѣсовъ направляется на верховья р. Анадырь, нѣсколько выше с. Марково; къ сѣверу отъ с. Марково они распространяются не далеко. Внутри страны, какъ говорятъ, есть не только строевой, но и корабельный лѣсъ. Породы лѣсовъ преимущественно хвойная: лиственница, сосна, ель, пихта, а изъ лиственныхъ породъ: береза, тополь.

Отъ мыса Камчатскаго далѣ къ сѣверу, по побережью, лѣса смѣняются кустарникомъ кедровника и тальника; но и этотъ кустарникъ, въ свою очередь, становясь все рѣже и мельче, по берегу моря достигаетъ до широты мыса Наваринъ ($62^{\circ} 30'$) приблизительно, и здѣсь уже онъ весьма рѣдокъ и корявыя вѣтви его стелются по землѣ.

Травы Камчатки хороши и достигаютъ высоты роста человѣка, но отъ р. Караги, далѣ къ сѣверу, постепенно понижаясь, около 61° широты онѣ начинаютъ смѣняться мхомъ; еще далѣ къ сѣверу площади мха увеличиваются и на побережьи Ледовитаго океана лишь изрѣдка встрѣчаются небольшія площадки, поросшія невысокой травой. Но на Чукотскомъ полуостровѣ и такая растительность занимаетъ болѣе низкія мѣста. а въ общемъ берегъ всего полуострова представляетъ голые массивы, испещренные остатками снѣга, который лежитъ до новаго.

Рѣки Камчатки многоводныя весною, сильно мелѣютъ лѣтомъ. Рѣка Анадырь могла бы быть вполне судоходною, но мелкое устье не даетъ возможности судамъ входить въ нее. Даже барказы могутъ выходить только во время прилива.

На Чукотскомъ полуостровѣ нѣтъ вовсе рѣкъ и прѣсныхъ воды встрѣчаются въ видѣ озеръ и небольшихъ рѣчекъ, которыя скорѣе можно назвать ручьями. Рѣки же Камчатки отличаются обиліемъ рыбы: бывають годы, когда рыбу можно черпать съ бота прямо сачками; изъ рыбы особенно цѣнятся чавыча изъ породы лососей.

На Чукотскомъ полуостровѣ, за недостаткомъ прѣсныхъ водъ, рыбы сравительно мало: въ лагунахъ водится форель, а осенью къ берегамъ моря подходитъ въ небольшомъ количествѣ треска и чавыча.

Въ странѣ водятся слѣдующіе виды дикихъ животныхъ: соболя, лисицы черныя, чернобурыя, сиводушки, крестовки и красныя, песцы бѣлые и голубые, выдра, норки, выхухоль, горностаи, росомаха, медвѣди бурые и бѣлые, волкъ, дикій олень и горный баранъ.

Все эти звѣри составляютъ предметы промысловъ населенія, за исключеніемъ волка въ странѣ чукчей, котораго они боятся бить по суевѣрному представленію, что другіе волки, въ отмщеніе за убитаго, истребятъ весь табунъ оленей убившаго. Лисицы водятся во всей странѣ, а черныя чаще встрѣчаются на полуостровѣ Чукотскомъ и на Карагипскомъ островѣ. Песцовъ бѣлыхъ особенно много на сѣверѣ, но голубые, и то лишь въ ограниченномъ числѣ,

встрѣчаются только у чукчей. Выдры, выхухоль, норки, горностаи водятся также повсемѣстно, но на сѣверѣ ихъ больше.

Соболей, для которыхъ нуженъ лѣсъ, больше всего въ Камчаткѣ и у смежныхъ съ нею сидячихъ корякъ, къ сѣверу ихъ меньше и чукчи ихъ совершенно не знаютъ.

Росомаха также живетъ въ лѣсахъ и потому по побережью она не встрѣчается; шкура ея весьма цѣнится у чукчей, какъ украшеніе и для продажи американскимъ индѣйцамъ. Они получаютъ ее отъ торгующихъ изъ села Марково.

Медвѣди бурые болѣе всего водятся въ Камчаткѣ; на Чукотскомъ полуостровѣ ихъ сравнительно мало. Въ Камчаткѣ же ихъ встрѣчаютъ цѣлыми стадами, собирающихъ ягоды, или сидящихъ по берегамъ рѣкъ и промысляющихъ рыбу. Также много можно видѣть ихъ и по берегу моря, гдѣ они охотятся за щенками сивучей, выплывающими изъ моря, собираются около падшаго кита и т. п.

Бѣлый медвѣдь питается исключительно морскими звѣрями, а потому зимою онъ живетъ на льду Сѣвернаго Океана, удаляясь отъ берега съ удаленіемъ границы льда. Лѣтомъ на льдахъ онъ уносится на острова океана (Врангеля, Геральда); на льдахъ же осенью приносится обратно къ берегу, при чемъ иногда его встрѣчаютъ и по южную сторону Чукотскаго полуострова. Чукчи промысляютъ его мало.

Кромѣ этихъ животныхъ во всей странѣ еще водятся зайцы, бѣлки, овражки, барсуки, но эти не промысляются населеніемъ и попадаютъ только случайно.

Изъ морскихъ животныхъ у побережья водятся бобры, сивучи, нерпа (тюлень), моржи и киты.

Бобровое лежище въ Камчаткѣ южнѣе Желтаго мыса. Извѣстно, что есть еще бобровое лежище на Командорскихъ островахъ, но эти качествомъ своимъ хуже камчатскихъ.

Сивучи стадами до 500—1000 головъ занимаютъ прибрежные камни и къ сѣверу встрѣчаются только до мыса Камчатскаго. Это массивное ластоногое животное, вѣсомъ, какъ говорятъ, до 80 пудовъ, населеніемъ Камчатки почти не промысляется.

Нерпа живетъ какъ у береговъ Камчатки, такъ и Ледовитаго Океана. По величинѣ звѣря, строенію головы и цвѣту шерсти различаютъ нѣсколько породъ нерпы. Она промысляется на всемъ побережьи и употребляется населеніемъ въ пищу, изъ шкуры ея дѣлаютъ подошвы къ торбазамъ (мѣстная обувь), байдарки, ремни, мѣшки, за-

мѣняющіе инородцамъ чемоданы, а большинство сидячихъ чукчей употребляютъ ее на одежду.

Моржи встрѣчаются у Острова Карагинскаго и сѣвернѣе, по въ Ледовитомъ Океанѣ ихъ больше. Моржъ составляетъ главную, предпочитаемую всѣмъ другимъ, пищу населенія сидячихъ чукчей, клыки его употребляются на различные издѣлія домашняго обихода, шкура идетъ на покрывку байдаръ, юртъ, на ремни. Моржъ единственный изъ вышеприведенныхъ звѣрь, котораго замѣтно сильное уменьшеніе и чукчи южнаго берега Чукотскаго полуострова должны теперь ходить за нимъ въ Ледовитый Океанъ. Фактъ этотъ имѣетъ единственную причину дѣятельность америкапцевъ, которые избиваютъ его въ громадпомъ количествѣ для добыванія клыковъ; кромѣ того сами чукчи, имѣющіе ружья Винчестера, бьютъ его больше, чѣмъ имъ нужно для пищи съ тѣмъ, чтобы получить клыки и такимъ образомъ имѣть больше товару къ приходу америкапцевъ для промѣна преимущественно на ромъ. На Карагинскомъ островѣ, куда прежде выходило изъ моря много моржей, камчадалы бьютъ теперь не болѣе 10, 15 штукъ за все лѣто и поэтому въ настоящее время на островъ заходитъ не болѣе трехъ иностранныхъ шхунъ ежегодно.

Киты также промысляются чукчами и употребляются въ пищу. Киты не живутъ постоянно у береговъ, но для корма держатся ихъ болѣе или менѣе близко во время хода своего въ Ледовитый океанъ на лѣтнее время. Проходятъ они по мѣрѣ образованія разщелинъ между льдами, что бываетъ на параллели мыса Наваринъ въ началѣ, а на южной сторонѣ Чукотскаго полуострова въ послѣднихъ числахъ мая. Подвигаясь какъ бы фронтомъ впередъ, къ Берингову проливу, киты, встрѣтившіе на своемъ пути южный берегъ Чукотскаго полуострова, поворачиваютъ на востокъ, къ проливу и сходятся на восточной и юговосточной сторонѣ Чукотскаго полуострова, гдѣ такимъ образомъ на пространствѣ отъ бухты Провидѣнія и далѣе до Восточнаго мыса ихъ лучшій промыселъ. Это и обусловливаетъ приходъ сюда къ этому же времени американскихъ китобоевъ и торговыхъ судовъ.

Населеніе Камчатки, собственно Петропавловскаго Округа находится въ завідываніи петропавловскаго исправника и, благодаря его совмѣстнымъ съ окружнымъ врачомъ ежегоднымъ объѣздамъ округа, населеніе болѣе или менѣе дѣйствительно находится подъ опекой администраціи. Не то въ Гижигинскомъ округѣ: здѣсь громадность разстояній даетъ возможность исправнику только въ два